

Как можно видеть, пункт «а» включает и книжнославянские тексты румынской редакции, обычно называемые славяно-румынскими текстами. Это — книжнославянские тексты средне-болгарской, сербской и (западно) русской редакции, переписанные в румынских княжествах, а также оригинальные тексты различного характера, возникшие на территории Румынии и представляющие ряд специфических черт. Поэтому, в последнее время, исследователи говорят о румынской редакции книжнославянского языка, имеющей три подтипа: валахский (мунтянский), молдавский и трансильванский¹.

Опираясь на старославянскую традицию, этот «славяно-румынский» литературный язык или румынская редакция книжнославянского языка является прямым продолжением среднеболгарского и отчасти сербского изводов (особенно в Валахии и Трансильвании), а также русского извода (в Молдавии и, начиная с XVI в., в других румынских землях). Одновременно, оригинальные тексты (особенно грамоты) пропитаны влиянием румынского языка (отчасти и других языков — новогреческого, венгерского, польского, впоследствии и турецкого), особенно в лексике, но также в синтаксисе и даже в морфологии.

Пункт «б» относится специально к румынскому языку, наряду с другими неславянскими языками, в которые проникли славянские, в частности книжнославянские элементы. Отсюда вытекает значение славяно-румынских текстов для истории книжнославянского языка вообще, а также для истории словарного состава румынского языка².

Исходя из вышеуказанных соображений и имея в виду, что славяно-румынские тексты являются важным источником для истории Румынии, истории культуры в румынских княжествах и румынского языка до XVI в., когда появляются первые румынские тексты, мы предложили в 1959 г. собрать материал для словаря книжнославянского языка румынской редакции, который может быть полезным также для общекнижнославянского словаря³.

Интересно отметить, что при изучении языка славяно-румынских текстов (особенно грамот) XIV—XVII вв., ряд славистов, и романистов, как Ю. Венелин, Фр. Миклошич, Б. П. Хаждеу, Э. Калужняцкий, Л. Милетич, Г. Гибанеску, И. Богдан, А. И. Яцимирский, О. Денсушану, И. Барбулеску, П. Скок, М. Костакеску, Н. Йорга, А. Росетти, П. П. Панаитеску, Маргарета Штефанеску, Гр. Нандриш, Й. Мацоурек, С. Б. Бернштейн, Д. П. Богдан, Валерия Костакел, Лючия Джамо и др. проявили интерес к лексике этих текстов, некоторые из них составили специальные глоссарии для объяснения

¹ См. в последнее время: J. Kurz, *Cirkevňoslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva*, в сб.: *Ceskoslovenské přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě*, Praha, 1958, стр. 13—35; Н. И. Толстой, *К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян*, «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 52—66; его же, *Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков*, в сб.: *Вопросы образования восточно-славянских национальных языков*, Москва, 1962, стр. 5—21; его же, *Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.)*, в сб.: *Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов* (София, сентябрь 1963), Москва, 1963, стр. 230—272.

² См. нашу статью: *Книжнославянское влияние на румынский литературный язык (Лексика)*, Rsl, IX, 1963, стр. 23—41.

³ *În legătură cu alcătuirea unui dicționar al slavonei din Țările Române*, SCL X, 1959, № 3, стр. 473—485.